

П. Р Е С Е Н З И Е

ДОСТОЕВСКИЙ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА. Альманах. Редактор К. Степанян. № 1 (в трёх книгах), 2 – Санкт Петербург, 1993-1994; № 3-9 – Москва, 1994-1997

Альманах *Достоевский и мировая культура* издаётся под эгидой созданного в России в начале 1990 гг. Общества Достоевского и Литературно Мемориального музея Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге. За несколько лет своего существования он стал, наряду с академической серией «Достоевский. Исследования и материалы», признанной трибуной для обсуждения многочисленных и многообразных вопросов, связанных с биографией и творчеством выдающегося писателя, с выяснением генетических, контактных и типологических связей его наследия с мировой культурой. Со своими исследованиями выступают с этой трибуны виднейшие достоевисты – литературоведы, историки, искусствоведы – из разных стран мира; вместе с тем альманах предоставляет слово и начинающим авторам.

Обозревая продолжающееся издание, что называется, в динамике, можно заметить, что альманах растёт, приобретает свой, узнаваемый внешний облик, раздвигает границы своей проблематики. Нетрудно заметить, что ширится и география авторов: помимо российских достоевистов, в разных выпусках выступают исследователи и литераторы из Японии, США, Словакии, Франции, Украины, Швейцарии, Южной Кореи и других стран мира.

Публикуемые работы по своей тематике группируются в различные разделы: «Художник-провидец», «Созвучия и параллели», «Разыскания»,

«Приглашение к спору», «Переводы», «Рецензии» и пр. Центральное место во многих номерах занимает раздел «Художник-провидец», материалы которого в большинстве своём затрагивают вопросы религиозности Достоевского, его христианского провиденциализма. Некоторый крен в сторону провиденциалистской проблематики можно, пожалуй, объяснить тем, что в этой области образовался в своё время определённый вакуум; даже в 1970-80-е гг. достоевистские сборники и продолжающиеся издания – в силу идеологических запретов или по чрезмерной осторожности маститых редакторов – старались обходить такие вопросы. Поэтому-то и повышенная увлечённость альманаха *Достоевский и мировая культура* «провиденциализмом» писателя представляется явлением закономерным и, очевидно, временным: в последних выпусках за счёт расширения круга тем, рубрик и авторов наметилось постепенное преодоление этого перекоса.

От других достоевистских изданий альманах выгодно отличается своей открытостью – стремлением представить разные точки зрения, создать поле для спокойной научной полемики. Такую задачу призван выполнить раздел «Приглашение к спору», где главным предметом обсуждения стало содержание формулы «Достоевский – христианский писатель». Приглашение к полемике первыми приняли публицисты, тяготеющие не столько к филологической, сколько к общественно-политической дискуссии. В. Беляев, азартно оспаривая «монологический» образ Достоевского как христианского писателя, не слишком деликатно ставит классика в один ряд с его героями Фомой

Опискиным и Михаилом Ракитиным (№ 3). Тривиальные, с его точки зрения, представления о почвенничестве Достоевского пытается опровергнуть А. Арьев в статье „Пузыри земли” (№ 4). Конструктивности их заметок мешает, на мой взгляд, очевидная торопливость, проявляющаяся и в недостаточности аргументов, и в стиле, и в фактических неточностях. Так, А. Арьев переименовывает героя *Анны Карениной* Константина Лёвина в Дмитрия (№ 4, с. 118), а В. Беляев может назвать средневекового философа Фому Кемпийского просто „Кемпийский” (№ 3, с. 156), словно это фамилия. Г. Россош в своих „субъективных заметках” ставит на одну доску „демонические и бесовские мотивы” в поэзии Пушкина (№ 5, с. 160), как будто пафос названных мотивов идентичен. Не касаясь содержательной стороны начавшейся дискуссии (надо полагать, она ещё продолжится в альманахе), хотел бы отметить ответную статью Елены Степанян, лишённую налёта суесловия и отмеченную уважением к фактологической точности.

Рассматривая первые девять номеров альманаха на страницах жанрологического (генеалогического) журнала, хотел бы особо остановиться на двух моментах.

Во-первых, издание привлекает жанровым разнообразием опубликованных материалов. Здесь например, можно прочесть эссе философского, исторического и общественно-политического характера. Отмечу безупречное по логике изложения и стилистической точности полемическое эссе Г. Померанца „Есть ли катарсис у Достоевского?” (№ 2), его же „Переключку героев Достоевского с Бубером” (№ 4) или краткое аналитическое эссе словацкого автора А. Червеняка (№ 9), размышляющего над

„эстетико-антропологической” концепцией творчества Достоевского. Критико-публицистический характер носит очерк Л. Сараскиной „Ф. М. Достоевский – „чей” он?” (№ 1, ч. 1).

Среди исторических исследований выделяется выстроенностью и концептуальностью работа В. Твардовской „Достоевский и Лавров – спор и согласие” (№ 5). Биографические этюды могут быть посвящены как этапам жизни самого Достоевского (например, „Система всегдашнего долга” Л. Сараскиной в № 8), так и его видным современникам (как очерк А. Серебряковой о Михаиле Бакунине в № 5). Статью В. Этова „По образу и подобию” (№ 1, ч. 1) можно отнести скорее к автобиографическому жанру; она способна заинтересовать не столько достоевистов, сколько историков русского литературоведения советского периода. Органически вписались в жанровое многообразие альманаха театральные рецензии, посвящённые новейшим инсценизациям произведений писателя. В восьмом номере альманаха появились и литературные рецензии на новые книги о Достоевском.

Редко, но попадают в отдельных выпусках проповеди – и профессиональные („Небесный покровитель Ф. М. Достоевского” игумена Андроника в № 9), и – в хорошем смысле слова – любительские („Достоевский – русская феноменология духа” Т. Горичевой в № 5). Лаконичную статью Г. Гачева о жанре *Дневника писателя* можно, пожалуй, квалифицировать как заклинание. Некоторые интересные материалы альманаха труднее поддаются литературно-жанровым дефинициям, поскольку появились на стыке разных наук – литературоведения и лингвистики (работа Е. Иванчиковой о синтаксисе Достоевского в № 3), литературоведения и пси-

хологии („Скандал как форма психодрамы” А. Реннанского в № 1, ч. 3), литературоведения и медицины („Болезнь и смерть Ф. М. Достоевского” В. и Б. Рыбалко в № 1, ч. 3) и т.п.

Несомненно, обогащают альманах – и с содержательной стороны, и по разнообразию формальных решений – разделы „Публикации” и „Переводы”, там находим и замечательные фрагменты медитативной прозы – например, «Поэзия Игната Лебядкина» В. Ходасевича (№ 1, ч. 3) или рассуждения Джойс Кэрл Оутс о трагическом и комическом в *Братьях Карамазовых* (№ 6) – и даже попытку беллетристического „соревнования” с Достоевским („Антиподы” Клары Мессажер в № 8). В разделе „Разыскания” привлекают внимание эпистолярные материалы в первую очередь, переписка А. Г. и Л. Ф. Достоевских с сыном Л. Н. Толстого, Л. Л. Толстым (публикация В. Абросимовой и С. Зориной в № 4).

Разумеется, преобладают в жанровом отношении литературоведческие статьи либо доклады, посвященные и творческой истории отдельных произведений, и компаративистской проблематике, и аналитическому изучению книг писателя в различных литературоведческих аспектах. Один из таких аспектов – жанрологический, и это второй момент, о котором хотелось бы сказать особо.

Серьезному разговору о жанровой природе романов Достоевского задаёт тон полемический этюд Г. Померанца «Уникальный жанр» № 1, ч. 1). Оспаривая несколько жанровых дефиниций, достаточно девальвированных своей расхожестью, автор выбирает себе в оппоненты исключительно сильных и оригинальных мыслителей – Вяч. Иванова, Н. Бердяева, М. Бахтина. С его точки зре-

ния, роман Достоевского – не детектив, не „роман-трагедия”, не мениппея, а явление сугубо уникальное, не поддающееся ни под одно из известных определений. В выступлении Г. Померанца не найти изложения его собственной позитивной концепции, но есть там страстное приглашение к дискуссии.

С вопросами жанра связан целый ряд статей, так или иначе вписывающихся в объёмную проблему „Достоевский и Гоголь”. Как известно, начало аналитической разработки этой проблемы было положено ещё на пороге 1920-х гг. Ю. Тыняновым в его работе «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» носящей подчёркнуто жанрологический характер. В рецензируемом издании эту разработку в том или ином направлении продолжают эссе К. Степаняна «Гоголь и Достоевский: диалоги на границе с художественностью» (№ 6), статья В. Белопольского о гоголевских реминисценциях в романе *Идиот* (№ 7) с интересными замечаниями о роли пародийного компонента в этом романе Достоевского и несколько других публикаций.

Р. Поддубная проводит оригинальное сопоставление (в аспекте жанра) *Выбранных мест из переписки с друзьями* Гоголя с *Дневником писателя* Достоевского (№ 6). Если в *Выбранных местах...* исследователь обнаруживает сплав исповеди и проповеди, то *Дневник писателя*, по её мнению, восходит к единоличному журналу XVIII в. Обоснованными представляются рассуждения Р. Поддубной о структурно-жанровой роли авторского начала в обеих анализируемых книгах. В статье Г. Померанца „Замысел Гоголя и роман Достоевского” (№ 8) стержневая мысль о жанровой ориентации создателя *Мёртвых душ* на дантовскую *Божье-*

ственную комедию выглядит явно убедительнее и значительнее финальных замечаний о „нравственном пафосе” творений ряда современных русских прозаиков из числа т.н. постмодернистов.

Вопросы жанра подняты и в некоторых других статьях компаративистского характера. О. Деханова, проводя сравнительный анализ внутреннего пространства дома Ашеров в детективной новелле Эдгара Аллана По и дома Рогожина (№ 9), расширяет в нашем представлении рамки хронотопа „дом” в романе *Идиот*. При этом она возвращает нас к уже заявленному некогда в литературоведении тезису о роли и месте детективного начала в жанровой природе ряда книг Достоевского. В лаконичной заметке южнокорейского исследователя Гунн-Ёнг Чоя „Концепция полифонического романа от Достоевского до Анатолия Кима” (№ 8) содержится многообещающая заявка на будущий подробный разговор о жанровой целостности романов современного русского писателя А. Кима.

Среди напечатанных в альманахе работ есть и такие, которые, будучи посвящёнными другой проблематике, содержат, однако же, и наблюдения над жанровым своеобразием исследуемых произведений. Это, к примеру, интерпретационная по своему характеру статья Л. Сараскиной „Поэма о Великом инквизиторе как литературно-философская импровизация на заданную тему” (№ 6), где есть заслуживающая профессионально-литературоведческого внимания и развития мысль о жанровой специфике поэмы Ивана Карамазова как текста в тексте. Вызывает специальный интерес и аналитическая работа И. Альми „Об одной из глав романа *Братья Карамазовы* (№ 7), в

которой истолкование главы „Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича” приводит литературоведа к анализу „цепи вставных новелл” в романе, что непосредственно связано с его жанровым своеобразием.

Очень полезным и перспективным выглядит раздел „Переводы”. Хотелось бы особо выделить публикацию эссе Джойс Кэрол Оутс о трагическом и комическом в *Братьях Карамазовых* (№ 6). Известная американская писательница, рассуждая о взаимодействии трагического и комического начал в романе Достоевского (в частности, в развитии мотива двойничества), предлагает новый, нестандартный взгляд на жанровую природу *Братьев Карамазовых*.

В рамках журнальной рецензии невозможно более или менее полно охарактеризовать все направления исследований, появившихся в первых девяти выпусках альманаха. Вполне вероятно, что его структура со временем претерпит и какие-либо изменения в соответствии с растущей или убывающей научной актуальностью тех или иных комплексов проблем. Между тем, не менее очевидно и то, что новое продолжающееся издание уже состоялось, заняло своё место в мировой достоевистике, приобрело лица необщее выраженье.

Марк Соколянский